

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Живое слово

ЛОГОС — ГОЛОС — ДВИЖЕНИЕ — ЖЕСТ

Сборник статей и материалов

Москва
Новое литературное обозрение
2015

ТЕОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА. ТВОРЧЕСТВО РЕЧИ (набросок лекции)

Андрей Белый
Публикация Е.В. Глухой
и Д.О. Торшилова

Размышления на темы теории языка и поэтики проходят через всю деятельность Андрея Белого, от статей раннего периода, вошедших в «Символизм» 1910 г., до теоретических отступлений «Мастерства Гоголя» 1934 г. Воззрения его были достаточно стабильны, чтобы он с полным правом мог назвать одну из своих книг «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития», но раскрывались по-разному в произведениях разных лет. Специфика публикуемой лекции среди близких по темам сочинений Белого в том, что в ней наиболее ясно и развернуто сформулирован тезис, гласящий, что теория языка как деятельности, связываемая обычно с именами В. Гумбольдта и А.А. Потебни, теория, к которой Белый всегда был ближе всего и которую называл одним из устоев символизма [Белый, 1982: 57, гл. 6], сама по себе подразумевает аналитическое самонаблюдение художника слова как свою необходимую базу; художник же слова, скрыто или развернуто, находится в каждом говорящем. Таким образом, теория слова смыкается с концепцией «Я», находящейся в центре как литературной, так и философской деятельности Белого катастрофических и энтузиастических лет Первой мировой, русской революции и Гражданской войны.

Согласно заметкам «Себе на память»¹, лекция читалась в московском Пролеткульте в марте 1919 г. Оттуда же мы узнаем формулировку ее темы — «Творчество речи», а также общий план курса:

¹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 96 (№ 408).

404) Февраль «Теория слова» (чем она должна быть)	П	Москва
405) Февраль «Теория слова» (логические теории)	р	Москва
406) Февраль «Теория слова» (лингвистические теории)	о	Москва
407) Март «Теория слова» (психологические теории)	л	Москва
408) Март «Теория слова» (творчество речи)	е	Москва
409) Март «Теория слова» (миф слова)	т	Москва
410) Март «Теория слова» (опыт описания стихотворения)	к	Москва
411) Апрель «Теория слова» (опыт описания)	У	Москва
412) Апрель «Теория слова» (средства изобразительности)	л	Москва
	ь	Москва
	т	Москва

Набросок лекции сохранился в РГАЛИ². Вначале — адресованный архивистам и будущим исследователям «титульный лист», гласящий:

Конспект 5-й лекции курса, мною читанного в «Пролет. Культ» в 1918–1919 годах («Теория художественного слова»).

После я по просьбе студийцев набрасывал³ резюме хода мыслей лекций в виду намерения студийцев литографировать курс.

Конспекты пропали; конспект 5-й лекции случайно остался у меня.

А. Белый.

11 стр.

Листы имеют авторскую нумерацию, начинающуюся с 23, и вполне правдоподобно, что утраченные конспекты первых четырех лекций занимали 22 листа. Что любопытней, рядом видна еще одна авторская нумерация, зачеркнутая, 175–185. Она говорит о намерении Белого включить материал в более обширное произведение; по всей вероятности, это один из вариантов книги «Кризис сознания», который иногда в проектах получал и название «Кризис слова». «Кризис слова» анонсировался в изданиях «Кризиса мысли», «Кризиса жизни» и «Кризиса культуры» в 1918–1919 гг., его Белый упоминает в письме к С.М. Алянскому в марте 1919 г. [Белый, Алянский, 2002: 88], т.е. практически одновременно с публикуемой лекцией, намереваясь заменить «Кризисом сознания», — ведь эта лекция настаивает на неразрывности слова и «Я».

² РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1–12.

³ В рукописи: «забрасывал».

5-ая лекция⁴.

Такова приблизительно структура психологической теории слова⁵; но, став на точку зрения индивидуальной психологии, мы видим 1) что теория слова определяется и обуславливается здесь опытным наблюдением восстания слова в нас 2) в этом восстании слова в нас всякое слово предполагается творчески пережитым. И, стало быть: став на эту точку зрения, мы должны заключить; психологическая теория слова ставит знак равенства между собой и теорией худ<ожественного> слова; всякое слово художественно; процесс язычной жизни есть процесс эстетический — ни грамматический, ни логический⁶.

⁴ Перед этим зачеркнутое окончание предыдущей лекции: «<...>рения)

Намечается ответить на один вопрос: каково обоснование подобной теории слова.

Об этом — в следующий раз.»

⁵ Как видно из содержания, предыдущие три лекции были посвящены именно «логическим», «лингвистическим» и «психологическим» теориям. Существовавшая у Белого классификация научных подходов к слову, его «теорий», отражена, например, на такой демонстрационной схеме:

(РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 93.) Схема предназначалась для демонстрации на этом цикле лекций или скорее на подобном, читавшемся в ГЭКТЕМАСе в 1927–1928 гг.; кажется, схема не закончена. Аналитическая классификация «теорий слова» подробнее описана в сохранившихся материалах упомянутых лекций для ГЭКТЕМАСа при театре В. Мейерхольда (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 23–24 об.; четвертая лекция).

⁶ Ср. формулировки 1910 года: «В словесно расчлененном звуке совершается, так сказать, объективация чувственности: слово предстает, как эстетический феномен» [Белый, 2006: 205].

Логика и грамматика находятся внутри эстетического⁷ процесса речи; они результаты его, расщепы его.

Такова, приблизительно, точка зрения Потебни, которой коснулись мы, разбирая группу воззрений, пытающихся определить лингвистическими категориями самый процесс возникновения речи.

Здесь, в этой лекции, мы как будто обратно теорию Потебни относим в группу психологических теорий.

Это происходит оттого, что Потебня, как и В. Гумбольдт, которого он высоко ценит, глубоко раздвоены; с одной стороны Потебня сближает худ<ожественное> творчество с творчеством языка; с другой же стороны, у него нет мужества провести свою точку зрения с достаточной последовательностью и заявить, что произнесения и создания слов внутри нас есть решающий опыт; и что данные этнической психологии и исторической грамматики любого языка лишь подтверждают этот внутренний опыт со стороны; если бы он встал на эту откровенно индивидуалистическую точку зрения, то он должен бы был сделать смелый вывод; *опыт создания слов в нас*, описанный и систематически изученный, способен нас привести к ряду заключений о том, что законы создания языков не существующих, но возможных достижимы для будущих исследователей в этой области и что язык языков, о котором так много говорят лингвистические теории, или по крайней мере праарийский язык доселе живет в нас, в нас вписан; но он заключается вовсе не в сумме слов того или другого из уже существующих, существовавших или имеющих возникнуть языков, а в нас⁸: в самой стихии язычности, описуемой и поддающейся анализу в принципе; на самом же деле эта стихия речи в нас до сих пор научно еще не изучена; у нас нет еще достаточно точно разработанных теорий.

Но Потебня не делает смелого, решительного вывода из своих работ; допуская его, однако, контрабандой в виде по-

⁷ Перед этим зачеркнуто: «худож».*

⁸ Ср. в лекциях для ГЭКТЕМАСа: «Теперь о праязыке: нет корня корней; как речь — много корней; корень языка не в “языке” словес, а в языке, который я могу высунуть и показать: вот наш праязык» (там же. Л. 17 об.).

пытках истолкования психологии творчества Л. Толстого⁹ и утверждая, что гениальный художник участвует в жизни самой стихии лингвистического процесса, он, Потебня, поспешно отступает под прикрытием многообразных данных анализа «народных» слов (в своих «Записках»¹⁰), выявляющих мифологический процесс образования народной речи; но теории мифологии не дает.

Потебня был связан психологическими воззрениями своего времени (Гербартом и Лотце)¹¹; и не стоял еще на уровне понимания заданий описательной психологии, как Штумпф, Мюнстерберг или даже Липпс¹².

С некоторой парадоксальной смелостью эту теорию создания языка пытались высказать представители так называемой символической школы поэзии (на Западе и у нас); но их заявления носили не столько характер разработанной научной теории, сколько характер боевых платформ и кратких лозунгов революционной борьбы с предшествующими им направлениями.

Между индивидуальными заявлениями позднейших символистов и теорией В. Гумбольдта разрывается гениальная теория языка Потебни.

В чем смысл теории Гумбольдта? В том, что 1) язык есть вечная деятельность, 2) что процесс образования слов и слова, образованные процессом<, > связаны; стало быть, каждое

⁹ Потебня, 1913. Как следует из «Себе на память» (л. 10) и «Ракурса к дневнику» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100), Белый в это время (апрель 1919 г.) и сам пишет о Толстом, раскрывая учение о «Я» и «кризисе сознания»; статья первоначально называлась «Лев Толстой и його», в 1920 году была опубликована статья «Учитель сознания (Лев Толстой)» [Андрей Белый, 1920].

¹⁰ Потебня, 1889–1899.

¹¹ Иоганн Фридрих Герbart (1776–1841), Герман Лотце (1817–1881) — немецкие психологи XIX века. Потебня критикуется за «психологизм» уже в реферате 1910 года; речи о новой психологии там еще нет.

¹² Карл Штумпф (1848–1936), Гуго Мюнстерберг (1863–1916), Теодор Липпс (1851–1914) — современные Белому немецкие психологи. Штумпф занимался, в частности, психологией восприятия звука. Липпс развивал учение о связи психологии с эстетикой [Lipps, 1903–1906]. За три месяца до публикуемой лекции, в декабре 1918 г., в связи с работой в Наркомпросе Белому приходилось составлять план курса по истории психологии [Зубарев, 2006].

готовое, так сказать, остывшее слово есть все еще процесс, т.е. что оно еще не установилось, никогда не может окончательно установиться и меняется в своей внутренней форме. Так у Гумбольдта слово образовано процессом, а процесс, в свою очередь, продолжаясь в словах, обусловлен ими; и мы не можем никогда выскочить из уже созданных слов; и стало быть: поскольку перед нами отсутствует первый процесс образования первого слова, постольку первым является, опять-таки, готовое слово, т.е. слова, обстающие нас; и стало быть: процесс, вечная энергия движения слов, протекает в словах, изучаем в словах; при такой постановке вопроса о языке заявление, что язык есть вечная художеств<енно>-творческая энергия, по отношению к данному творцу или данному исследователю языка не реально, а фигурально; этнология и лингвистика все-таки накладывают руку на психологический метод; и Потебня, увлекаемый Гумбольдтом, все-таки остается на почве лингвистики.

Также теория Вундта о происхождении языка из мимических жестов не сохраняет чистоты своей позиции там именно, где Вундт пытается ее научнейшим образом обосновать 1) ссылками на физиологию той группы переживаний [чувств], из которой вырабатывается мимика речи 2) обстоятельным обзором мимики дикарей, животных, глухонемых и прочими данными этнографии, физиологии и внешнепсихологическими наблюдениями. С одной стороны, он взывает к данным внутреннего опыта, с другой стороны, этот внутренний опыт осознания речи он подкрепляет параллелями внешнего наблюдения и опыта. И встает основной тут вопрос, без которого теории Вундта, Потебни и Гумбольдта будут выглядеть вечно двусмысленно, расплывчато и недоговорено¹³, — вопрос уже чисто психологических воззрений на слово получает решающее значение: вопрос об отношении внутреннего и внешнего опыта.

История психологических воззрений рисует такую эволюцию вопроса¹⁴: 1) в древности, в психологии греков «душа»,

¹³ Тут стоит знак сноски (*), но написать саму сноску Белый забыл.

¹⁴ Схемы развития представлений о душе, сходные с излагаемыми здесь, сохранились так же в сделанных Вяч. Ивановым конспектах похожей лекции Белого (опубликован в: [Глухова, 2006]). Ту лекцию

т.е. некоторое единство переживаний внутри нас признавалось не только независимой от внешнего мира природы, но и ее создавшей: все, что ни есть, признавалось «демонами, богами, душами». Впоследствии развилось учение Аристотеля о 3-х душах, в нас обитающих и передалось через Августина средним векам;<> 2) в начале новой философии душа полагалась центром сознания, а этот центр полагался в мысли: «Я мыслю, следовательно я существую» — этот девиз Декарта стал девизом новой философии; психология в этот период стала главным образом философией сознания; так [образовалась вера в так] создавалась так называемая *рациональная психология*, т.е. психология, полагавшая центром своего метода мысль, не нуждающуюся в опыте. Кант доказал ненаучность такой психологии.<.> 3)¹⁵ И возникли обратно: попытки самую мысль вывести из чувствований; психология самый внутренний опыт, возникающий в нас, выводила из комбинации чувственных раздражений (ассоциативная психология); 4) были найдены физиологические основы чувства; и психология превратилась в психо-физиологию, т.е. в ветвь физиологии; понятие о «душе» стало понятием условным; душа стала ощущением единства физиологических процессов;<> 5) Наконец, когда эта теория была подвергнута всестороннему анализу, то выяснилась невозможность выводить явления «сознания» из физиологических раздражений, как и обратно: невозможность последние выводить из сознания; задачи психология собственно видела в установлении лишь параллели между той или иной группой физиологических раздражений; эта теория стала носить наименование психофизического параллелизма; к ней-то и принадлежит Вундт.

Оттого-то в своей теории языка он невольно раздваивает выводы своей теории, то рассматривая их в согласии с данными опыта внешнего (т.е. данными физиологии, этнографии, лингвистики и т.д.) На вопрос же об отношении двух опытов друг к другу он не может согласно своей двойственной теории

Белый читал, судя по всему, на домашнем семинаре по теориям слова, проходившем у Иванова во второй половине 1919 г. (см.: [Шишкин, 2010: 784]).

¹⁵ В рукописи повторено «2)», а вместо «4)» ниже стоит «3)», вместо «5)» — «4)».

дать ответа, ибо суть этой теории в раздвоении данных переживания языка на «переживания собственно» и на физиологические раздражения, сопровождающие их.

В новейшей психологии сознательно разделяют учение о переживаниях мысли, чувства и воли от сопровождающих их процессов организма; относя последние к физиологии, биологии, физиологической химии<, > за психологией собственно признают науку о точном описании индивидуальных процессов переживаний; и признают: за процессами самонаблюдения, внимания активный, творческий характер; этот процесс описания, наблюдения, внимания при внутренней работе может безгранично расти; психологический опыт есть опыт активный: роль творческого создания условий наблюдения, внимания признается огромной и тем самым: экспериментальная психология наших дней 1) есть индивидуальная психология 2) приближается к эстетике: всякий психический процесс в нас активен, неповторяем, типичен; самые наши переживания суть произведения творчества. Эти основные выводы из современной психологии сближают ее с эстетикой: психология есть собственно говоря или эстетика, или она есть *ничто*, т.е. она не существует как наука. Но она, как наука, существует и развивается. Школа Липпса тому пример; стало быть она развивается, как эстетика. Стало быть, необходимость рассматривать слово, как результат художественного творческого процесса<, > диктуется методом описательной психологии наших дней.

Это не было осознано ни Потембней, ни Вундтом; первым, как неспециалистом в психологии, вынужденным обосновывать свою теорию слова на отжитой психологии Гербарта и запутавшимся в ней; и вторым, как представителем отжитой школы «психофизиологического параллелизма».

Тот очерк психологической теории слова, какой был набросан мной, — обоснован принципиально новой психологией, но — лишь принципиально; фактически разработка психологической теории слова (или «художественного слова», что — все равно) еще впереди. С точки зрения этой теории явления самонаблюдения и вживания в образование процесса речи во мне суть явления наблюдения художника над процессом его собственного художественного творчества;

стало быть: два условия возможности «теории слова» предполагаются здесь: 1) наблюдающий психолог речи есть художник 2) художник-психолог есть наблюдающий *точно*, т.е. он одновременно есть ученый. Условия возможности *теории слова* суть здесь всегда: условия возможности художественного слова; и во-вторых: условия возможности теории только в *совпадении в теоретике художника и ученого*.

Ученый должен уметь точно описывать, наблюдать, строить опыт; художник должен уметь заново создавать самый опытный материал; здесь опытным материалом является: восстание новых слов, новых¹⁶ образов, новых значений из первичной глубины подсознания<, > где образы, звуки и смыслы суть *образо-звуко-смыслы*; ставятся, стало быть, почти невероятные требования к самому теоретику: он должен научным сознанием в себе самом проникнуть свое собственное подсознание, т.е. уметь передвигать в себе самом границы сознания, или — пронизать сознанием свое собственное вдохновение; в момент вдохновения, научной трезвости и самообладания; так может теоретик создать условие опыта образования собственного своего языка в себе.

Мы знаем, что научный опыт — в воссоздании объясняемого явления; стало быть: в воссоздании языка в себе; в осознанном собственном художественном творчестве мы имеем создание опыта; этот опыт, во вторых, должен нам удовлетворительно объяснить явления природы. Таким природным явлением<, > т.е. отложением некоего не данного процесса есть сумма звуков слов, сумма образов слов и сумма значений слов. Теория худ<ожественного> слова<, > стало быть<, > есть модель построения в себе такого процесса, который во вне протекает, как процесс художественного словесного творчества.

Таковы условия теории худ<ожественного> слова. Теория здесь есть совпадение двух опытов; один опыт протекает в теоретике, соединяющем в себе художника-творца и аналитика<->ученого; другой опыт дан в 1) художественной словесности 2) в словесности вообще, которая есть наиболее общее и коренное определение худож<ественной> словесности.

Если опыты покрывают друг друга в нас, т.е. если наблюдение над восстанием слова во мне (в данном случае на-

¹⁶ Перед «новых» в рукописи «в».

блюдения над восстанием «Петербурга» во мне) совпадают с наблюдениями моими над 1) окружающими меня явлениями художественного слова 2) над восстанием их в истории (образованием «мифа» и «звукообраза» из жеста, образования «мысли» из мифа, инструментовки и ритма из звукообраза и т.д.), — если опыты покрывают друг друга, то опыт слова во мне есть гипотеза, объясняющая явление слова. Но всякая теория худ<ожественного> слова в наше время, если она поκειται на опыте, гипотетична; из гипотез впоследствии лишь выясняется принцип объяснения.

Теория художественного слова в наши дни — еще гипотетична; она, в лучшем случае может лишь расчистить дорогу будущей науке о слове.

Но все-таки: приблизительный план подобной науки можно с достаточной точностью предначертать; и показать: какие части плана осуществимы уже в настоящее время и какие части плана не заполняемы вследствие отсутствия наблюдения, опыта, или даже описания соответствующего материала.

Теория худ<ожественного> слова есть система наук о художественных явлениях слова; каждая берет худ<ожественное> слово в той или иной его грани. В следующий раз я дам план возможной системы наук¹⁷; и мы приступим к обозрению ряда возможных частных наук о худож<ественном> слове; иные из них существуют в зародыше.

¹⁷ Такой план сохранился в рукописи «Кризиса сознания», над которым Белый работал примерно через полтора года, осенью 1920 г.: «Логика, психология и фонетика слова (как термина, образа, звука) рожают систему словесных наук.

Эта система отчетливо изобразима в таблице:

I. Логика (термин)	II. Психология (образ)	III. Естествознание (звук)
а) чистая логика	д) процесс речи	г) фонетика
б) логика психологии	е) психология терминологии	h) лингвистическая психология
в) логика грамматики	ф) психология языковых форм	и) грамматика логики

Ее порожденье — система конкретных наук.

а) теория знания	д) феноменология	г) фонетика
б) метафизика	е) мифология	h) ритмика
в) методология	ф) риторика	и) эвфония

(см. РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 58–59).

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. Учитель сознания (Лев Толстой) // Знамя. М., 1920. Декабрь. № 6 [8].

Белый А. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития. Анн-Арбор, 1982.

Белый А. Мысль и язык (Философия языка А.А. Потебни) // Семиотика и Авангард: Антология / Ред.-сост. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин. М., 2006.

Белый А., Алянский С.М. Переписка // Лица. СПб., 2002. Вып. 9.

Глухова Е.В. Конспект Вячеслава Иванова к лекции Андрея Белого из цикла «Теория художественного слова» // Русская литература. 2006. № 3.

Зубарев Л. «Докладная записка» Андрея Белого в ТЕО Наркомпроса: О курсе психологии в Театральном Университете // Russian Literature. LVIII—I/II (1 July — 15 August 2005): Andrej Belyj: Special Issue on the Occasion of his 125th Birthday. Amsterdam, 2005.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1889 Ч. 1–2; Харьков, 1899. Ч. 3.

Потебня А.А. Черновые заметки о Л.Н. Толстом и Достоевском // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1913. Т. V.

Шишкин А.Б. Вяч. Иванов и пушкиноведение // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1.

Lipps Th. Ästhetik. Lpz., 1903–1906. Bd. 1–2.